

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ**

**ПОЧЕТНЫЕ ДОКТОРА
УНИВЕРСИТЕТА**

Абдусалам
ГУСЕЙНОВ

**ФИЛОСОФИЯ —
МЫСЛЬ И ПОСТУПОК**

СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ, ЛЕКЦИИ, ИНТЕРВЬЮ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2012

ББК 87
Г96

Научный редактор

А. С. Запесоцкий, член-корреспондент Российской академии наук,
академик Российской академии образования,
ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
заведующий кафедрой философии и культурологии,
доктор культурологических наук, профессор

Гусейнов А. А.

Г96 **Философия — мысль и поступок** : статьи, доклады,
лекции, интервью. — СПб. : СПбГУП, 2012. — 840 с. —
(Почетные доктора Университета).

ISBN 978-5-7621-0668-9

В книге публикуются избранные научные труды выдающегося отечественного философа, академика Российской академии наук, директора Института философии РАН А. А. Гусейнова. В издание включены работы ученого о назначении философии, о культуре, политике и морали. Академик А. А. Гусейнов первым в отечественной философии исследовал золотое правило нравственности. Он развивает концепцию негативной этики, с точки зрения которой моральный абсолютизм приобретает действительность в форме категорических запретов. А. А. Гусейнов считает, что философия представляет собой единство гносеологии и этики; будучи особой формой познания, она является также определенной жизненной позицией.

Отдельный раздел книги составили лекции и выступления А. А. Гусейнова в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, почетным доктором которого он является. Книга, вышедшая в серии «Почетные доктора Университета», адресована ученым, преподавателям, студентам, а также широкому кругу читателей.

ББК 87

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович

ФИЛОСОФИЯ — МЫСЛЬ И ПОСТУПОК

СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ, ЛЕКЦИИ, ИНТЕРВЬЮ

Ответственный редактор *И. В. Петрова*; дизайнер *В. Б. Клоков*;
технический редактор *Л. В. Климкович*; редактор *Я. Ф. Афанасьева*,
корректоры: *О. В. Афанасьева*, *Т. А. Кошелева*, *О. Л. Говорина*

Подписано в печать с оригинал-макета 12. Формат 60×84¹/₁₆. Гарнитура JournalC
Усл. печ. л. 52,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в ГУП «Типография «Наука», 199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12

ISBN 978-5-7621-0668-9

9 785762 106689

© Гусейнов А. А., 2012

© СПбГУП, 2012

ЭТИКА НЕНАСИЛИЯ — ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ*

Материальные формы человеческой деятельности (прежде всего экономика) приобретают в настоящее время общепланетарный характер. В политике также усиливается тенденция к наднациональным объединениям. Что же касается идейной, духовной сферы жизни людей, то здесь движение идет скорее в обратном направлении. Люди и народы крайне обостренно и ревниво относятся к религиозной идентичности, национально-культурному своеобразию, этнической самобытности, отказываются от универсалистских утопий и обращаются к собственным историческим «корням». Практичные бизнесмены, циничные авантюристы преодолевают традиционные барьеры и находят общий язык быстрее и легче, чем принципиальные идеологи. Экономическому глобализму и политическим интеграциям противостоит культурный сепаратизм.

Глобализм в его современном виде — это детище Запада, он осуществляется в решающей мере его целенаправленными усилиями и к его

* Опубликовано: Религия в изменяющейся России : сообщения и тезисы II Российской науч.-практ. конф., 11–12 мая 2004 г. / отв. ред. М. Г. Писманик. Пермь, 2004. Т. 2. С. 53–64.

выгоде. Наряду с огромными инвестициями и новыми технологиями, а часто опережая их, с Запада идут также западные ценности и западный образ жизни. Культурный сепаратизм народов второго и третьего мира является защитной реакцией против культурной экспансии Запада. В этом качестве (но только в этом) он несомненно оправдан. Что же касается сути дела, то культурный сепаратизм не может считаться адекватным ответом на глобалистские вызовы современности. Таким ответом, по господствующему в мировом сообществе гуманитарных дискуссий мнению, является диалог культур. Диалог культур — многоплановый процесс взаимного узнавания и понимания культур, их сближения, обогащения, такая стратегия общественного и личностного развития, которая направлена на то, чтобы научиться жить вместе, оставаясь различными. В современном мире, который во всех смыслах становится тесным, он не имеет разумной альтернативы. Однако диалог культур именно как диалог *культур* имеет свои пределы, ограничения. Они касаются религиозно-мировоззренческих и культурных оснований культур, в силу которых каждая культура есть нечто замкнутое на саму себя и законченное. Эти основания, разумеется, никак не могут быть предметом диалога. Более того, они содержат своего рода запрет на объединение человечества в некую духовную общность, если такое объединение мыслится не на основе религиозно-мировоззренческих принципов данной культуры.

Возникает вопрос: что же может быть вдохновляющей основой диалога культур, который был бы способен превратить его из вынужденного состояния, возникающего под давлением глобалистских тенденций в сфере экономики и политики, в духовно осмысленную цель деятельности? Совершенно ясно, что такая основа может быть только транскультурной, универсальной, но при этом такой, которая одновременно коренится в каждой из культур, участвующих в диалоге. Мне кажется, что в духовном опыте современного человечества есть единственная идея, которая удовлетворяет этим требованиям, — это идея ненасилия.

В первой части доклада я постараюсь описать идею ненасилия, а во второй — показать, что она может стать духовно объединяющей основой людей разных культур.

I

1. Ненасилие есть отказ от насилия как способа (средства) разрешения общественных конфликтов, борьбы за социальную справедливость. Отказ от насилия при этом ни в коем случае не есть отказ от самой борьбы за социальную справедливость. В качестве ответа на ситуацию социальной несправедливости (многообразные формы угнетения человека человеком) в реальном историческом опыте чаще всего сознательно культивировались две различные нравственно-политические стратегии — смирения (покорности) и насильственного сопротивления. В рамках такой альтернативы насильственное сопротивление является, несомненно, более предпочтительной позицией и с точки зрения эффективности поведения, и с точки зрения его нравственного качества. В случае насильственного ответа на несправедливость люди, даже если признать, что они используют неадекватные средства, сохраняют ответственность за цели, в то время как покорность означает не только отказ от насилия как средства борьбы, но и от справедливости как единственно достойной человека общественной цели. Известно высказывание М. Ганди, согласно которому смелое использование физической силы намного предпочтительнее трусости.

Наряду с покорностью и ответным насилием в ситуации социальной несправедливости существует еще одна (третья) стратегия поведения — ненасильственное сопротивление, которое схоже с ответным насилием в том, что оно ориентирует деятельность на социальную справедливость, и отличается от него тем, что обязуется достичь этого без применения насилия. Ненасилие ответственность за цели деятельности дополняет также ответственностью за средства борьбы. Ненасилие отрицает силу в деструктивной, разрушительной форме насилия, но не силу вообще. Оно само есть выражение силы, которая, если можно

воспользоваться таким каламбуром, является более сильной, чем сила насильственной борьбы. Во всяком случае оно требует больше решимости, внутренней душевной силы.

Ненасилие — не просто отказ от насилия, альтернатива ему. Оно является вместе с тем постнасильственной стадией. И исторически, и в плане развертывания интеллектуально-психологических возможностей человека оно следует за насильственным сопротивлением, после него. Оно представляет собой позицию общественных сил и индивидов, которые вполне могут практиковать насильственное противостояние, более того, в той или иной форме практиковали его, но которые способны на большее и идут дальше, открывают новые, более высокие возможности исторического и личностного развития. Если насильственную борьбу считать выражением героизма, то ненасильственную борьбу следовало бы назвать сверхгероизмом.

2. Для понимания ненасилия существенно не только то, что это другой способ борьбы за социальную справедливость. Речь идет о другом — ненасильственном — способе разрешения тех общественных конфликтов, которые традиционно пытались разрешать с помощью разных форм легитимного насилия. Ненасилие противопоставлено не просто насилию, что вполне очевидно и само собой понятно, оно противопоставлено главным образом и прежде всего так называемому справедливому насилию.

В основе насилия лежат конфликты предельной остроты, когда противоборствующие стороны осмысливают свое противостояние как борьбу добра и зла. Поскольку каждая из борющихся сторон рассматривает себя как персонификацию добра и в противоположной видит воплощение зла, постольку у них не остается никакого другого выбора, как стремиться нейтрализовать (подчинить себе, уничтожить) противника силой. Ненасильственная стратегия основана на убеждении, что никто не может быть судьей в вопросах добра и зла, и потому предлагает отказаться от того, чтобы квалифицировать межчеловеческие конфликты в этих категориях. Как учил Иисус Христос в известной евангельской сцене с блудницей, которая по законам Торы подлежала забрасыванию камнями, право и обязанность бросать

камни имеет тот, кто сам безгрешен. А если люди не делятся на грешных и безгрешных, то кто в кого будет бросать камни?! Отказ от того, чтобы выступать от имени добра и считать противоположную сторону носительницей зла, является единственной возможностью остаться в пространстве морали в ситуациях, когда мнения людей о том, что есть добро и что есть зло, расходятся радикальным образом.

Программа ненасилия исходит из взаимной связанности людей в добре и зле. Это значит, что человек не может, не должен полностью снимать с себя вину за то зло, против которого он борется, и отлучать оппонента от того добра, за которое он борется. В качестве свободного разумного существа человек всегда больше своих поступков; нравственность — такая высота, с которой всегда можно сорваться, и, с другой стороны, как бы низко человек ни пал, он всегда сохраняет возможность подняться, стать иным подобно тому, как Савл стал Павлом.

Отказ от того, чтобы быть судьей в вопросах добра и зла, во все не означает примирения со злом или его поощрения. Он лишь задает в ситуации конфликта такую диспозицию, когда предшествующее зло не становится непреодолимой преградой для последующего сотрудничества.

3. Ненасилие является единственным средством, способным искоренить зло насилия, не приглушить, заместить, ограничить его, а именно искоренить. Нет никакого сомнения, что оно в этом отношении более эффективно, чем ответное насилие. В случае насильственного ответа на несправедливое насилие мы в лучшем случае устраняем конкретных носителей зла, но не доходим до причин, до идей и чувств, которые это зло породили и будут порождать в последующем. Желая преодолеть насилие насилем, мы не просто увеличиваем его суммарно, что вполне очевидно, но одновременно придаем ему новое качество, расширяем его масштаб. Ведь чтобы быть эффективным, ответное насилие должно быть больше того, против которого оно направлено. Именно эта логика привела к совершенствованию орудий уничтожения и форм насильственной борьбы, которые сегодня стали глобальной угрозой человечеству. Далее, прибегая к насилию

как к средству борьбы, мы фактически нравственно санкционируем и то насилие, против которого оно направлено; один из выдающихся современных христиански мотивированных представителей движения ненасилия Жан Госс писал: «Когда мы используем ответное насилие, мы тем самым позволяем своему противнику (агрессору или врагу) также прибегать по отношению к нам к силе. Следовательно, делая так, мы отрицаем свои собственные принципы (уважения к человеку) и цели (стремление к большей справедливости и миру)»*. Ненасилие по всем обозначенным пунктам превосходит ответное («праведное») насилие: оно направлено на устранение причин, источника насилия, а не его конкретных носителей; разрывает заколдованный круг насилия; лишает применение силы противником какого-либо морального оправдания.

4. Следует разграничивать ненасилие как нравственный императив и как особую программу конкретной деятельности. В качестве нравственного императива оно не означает ничего кроме категорического, безусловного запрета на насилие, негативно (через то, чего нельзя делать) очерчивает пространство морали, человечности. В качестве особой программы конкретной деятельности ненасилие видоизменяется в зависимости от предметной области и природы конфликтов, на решение которых оно направлено: экономический конфликт — это одно, политический конфликт — другое, конфликт между народами — это одно, конфликт между социальными группами или индивидами — другое, и т. д. В своем позитивном выражении, в качестве конкретной тактики и технологии деятельности ненасильственная борьба так же многообразна и профессионально дифференцирована, как многообразна и дифференцирована человеческая практика вообще.

5. В плане перестройки человеческой практики на новых началах ненасилия особый интерес представляет вопрос о возможности ненасильственной политики. Вопрос о перспективах ненасилия упирается в вопрос о том, можно ли ненасильственным

* Ненасилие: философия, этика, политика : сб. / под ред. А. А. Гусейнова. М., 1993. С. 21.

путем решить те задачи, которые решало государство с помощью легитимного насилия и решала история с помощью революций. Речь идет о том, может ли ненасилие стать сознательной программой деятельности больших масс людей и приобрести в этом качестве социологически и исторически значимые масштабы.

Идея и идеал ненасилия возникли в эпоху, которую К. Ясперс называл осевым временем; в европейскую культуру они были привнесены главным образом Нагорной проповедью Иисуса Христа, сформулировавшей парадоксальное требование не противиться злему и любить своих врагов. Исторически ненасилие было увязано с золотым правилом нравственности (поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе), выступало как его конкретизация. Последующими эпохами оно было воспринято прежде всего как принцип индивидуальной этики, обнаруживающий свою действительность в опыте жизни исключительных, морально одаренных индивидов и в узкой сфере межчеловеческих отношений. Ситуация существенным образом изменилась в наше время.

II

Идея ненасилия по степени зрелости, месту в культуре человека и человечества вполне способна стать объединяющей основой разных культур. Как идея она ясна, прозрачна, обоснована, признана; ее в серьезном смысле никто не ставит под сомнение. При этом она аргументируется и признается именно в качестве идеи, выражающей смысл и назначение человеческой жизни, определяющей ее нравственную наполненность, то есть наиважнейшей идеи.

Идея ненасилия как жизненная программа была мужественно заявлена и последовательно, всесторонне осмыслена Л. Н. Толстым, который положил начало современному движению ненасилия.

Она опробована в несомненных и успешных опытах исторического масштаба. Среди последних особенно следует выделить

национально-освободительную борьбу индийского народа под руководством М. Ганди и борьбу за гражданское равноправие в США под руководством М.-Л. Кинга, которые представляют собой два светлых пятна на мрачном и кровавом общественно-политическом фоне XX века.

Ненасилие нельзя считать открытием выдающихся людей, оно заложено в самом фундаменте человеческого бытия. Как писал Ганди, мир существует, движимый любовью, ибо если бы враждебность была движущей силой мира, он давно бы погиб. Он считал, что даже в гуще столкновений действует сила любви. Само существование человечества на протяжении многих тысяч поколений говорит о том, что в его истории преобладают ненасильственные, дружественные способы деятельности. В этом смысле идеал ненасилия есть нечто очень близкое, органичное всем людям. И задача заключается не столько в том, чтобы постепенно интегрировать и начать практиковать ненасильственные способы деятельности, сколько в том, чтобы отказаться от тех особых и исключительных случаев насилия, которые все еще принято считать оправданными, законными, справедливыми.

Идея ненасилия универсальна, присуща всем религиям и культурам, определяющим духовое и культурное многообразие современного мира. Никто не может сказать: это исключительно иудаистская идея, буддийская идея, конфуцианская идея, индуистская идея, христианская идея, исламская идея. Точно так же никто не может сказать, что она чужда какому-либо из этих религиозно-культурных комплексов. В том-то и дело, что каждый из них может считать ее своей. Это та несомненная и, возможно, единственная платформа, на которой все они могут объединиться, которая, говоря точнее, их уже объединяет, объединяет если и не актуально, то в своих глубинных духовных истоках.

Более того, ненасилие представляет собой такой гуманистический проект, который может быть обоснован и мотивирован в рамках как религиозного, так рационально-прагматического взгляда на мир. И этим он адекватен и современному состоянию умов, которое характеризуется плюрализмом мировоззре-

ний, и современному состоянию культуры, в рамках которой мировоззренческие символы веры не имеют решающего влияния на нормы практического поведения.

Еще одна, исключительно важная особенность программы ненасилия, позволяющая ей претендовать на роль идеальной, духовно организующей основы жизни человека и человечества независимо от их религиозно-культурных, национально-исторических и других различий, состоит в том, что она имеет негативный характер. Она является ограничивающим условием деятельности, но не ее позитивным содержанием. Это — запрет на определенные действия. Ненасилие обнаруживается не в том, что человек делает, а в том, чего он не делает. Ненасилие есть отказ от насилия. Почему данная особенность является в интересующем нас плане преимуществом?

Во-первых, благодаря этому ненасилие оказывается действенной программой. Для позитивного действия требуются желания, мотивы, над которыми человек не властен. Негативность действия состоит в запрете на осуществление определенных желаний и мотивов в том случае, если они возникают, что полностью подконтрольно его сознательной воле. Человек не может сделать так, чтобы он непременно чего-то захотел. Но он всегда может отказаться от того, что он хочет. Нельзя, совершенно нереально требовать от человека, чтобы у него не появилось спонтанного желания прибегнуть к силе, отомстить, убить, — это невозможно в силу его биологической природы и законов социальной природы. Однако вполне реально требовать, чтобы человек заблокировал данное желание, погасил его в себе, не дал ему выхода, — это полностью соответствует регулятивным возможностям разума, сознательной воли человека.

Во-вторых, негативное действие может быть не только категорически-действенным, но и общезначимым. Позитивные поступки, то есть поступки в собственном смысле слова, всегда конкретны, индивидуальны, замкнуты на частные обстоятельства. Они по определению так же бесконечно многообразны, как бесконечно многообразны индивиды в их жизненных ситуациях. Невозможно себе даже представить, чтобы все люди совершали

одинаковые поступки. Другое дело — негативные действия, запреты. Поскольку они являются результатом разумно обоснованного и сознательного решения, то они могут быть столь же общезначимыми, сколь общезначим разум и сознательная воля. Поэтому вполне реально представить картину, когда все люди могут не совершать поступки, относительно которых они пришли ко всеобщему пониманию и согласию, что они не должны их совершать.

В-третьих, ненасилие в качестве негативного поступка исключает возможность морализирующего самообмана. Для понимания нравственного качества позитивного поступка очень важны мотивы, по которым он совершен. Но разобраться в них крайне сложно. Мы знаем, что зло всегда скрывается под личиной добра, выдает себя за добро. В случае ненасилия как негативного поступка, не совершаемого в силу запрета, психологические основания для морального самообмана, для того, чтобы зло выдавать за добро, отсутствуют. Здесь нет проблем с мотивами, в силу которых не совершается поступок. Здесь важен сам факт того, что он не совершен. Моральный мотив морально запрещенного поступка состоит в том, что этот поступок не состоялся. А в вопросе о том, состоялся ли запрещенный поступок или нет, обмануться невозможно. Это тем более невозможно, что ненасилие, как и вообще действия, на которые налагаются моральные запреты, легко удостоверяются.

В-четвертых, программа ненасилия не требует духовных пастьрей, идеологов и пропагандистов как особой специально выделенной группы лиц, которые бы стояли на ее страже, были бы посредниками между ней и принимающими эту программу реальными индивидами. Программа ненасилия сама по себе так ясна, очевидна, а ее применение так однозначно, что в этом легко и безошибочно может разобраться любой человек в здравом уме, который хочет это сделать. Конечно, в ненасилии как в сознательном движении и образе жизни, особенно в ненасильственной политике, есть свои выдающиеся люди, которые оказывают воздействие на других. Но они оказывают такое воздействие преимущественно своим примером. Кстати, одна из особенностей

организации ненасильственных акций состоит в том, что их активисты располагаются таким образом, чтобы принять на себя первые возможные удары полицейских и оказаться первыми среди тех, кого будут бросать в тюрьму. Если в других движениях вожди — это те, кого прячут, охраняют ценой чужих жизней, то в ненасильственном движении вожди — это те, кого выставляют вперед и кто первый отдает свою жизнь.

Наконец, в-пятых, преимущество ненасилия как ограничивающего принципа деятельности состоит в том, что *оно* обозначает ее пространство, но не затрагивает конкретного содержания деятельности. Это — предельно свободная, расковывающая творческие силы человека нравственная программа, с точки зрения которой можно делать все, кроме одного: нельзя совершать насилие над человеком. И она совершенно не предполагает унификации цивилизационно-культурных различий.

Словом, ненасилие — та новая и ближайшая духовная высота, которую предстоит взять человечеству и которую оно может взять только объединенными усилиями.